

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Новокузнецкая, 23-Б, Москва, 115184, Россия
E-mail: Kompas_ff@mail.ru

СЛОВЕСНЫЕ ПОРТРЕТЫ СВЯТЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, АГИОГРАФИИ И ИКОНОПИСНЫХ ПОДЛИННИКАХ

Портреты святых встречаются как на иконах и фресках, так и в художественной и житийной литературах. Но писатель, агиограф и иконописец ставят перед собой разные цели и задачи. При описании святого в художественной литературе автор выражает свои эмоции, воздействует на эстетические чувства читателя с помощью художественных средств. В житии образ святого создается путем его жизнеописания; автор, кроме повествования, задается назидательной целью, в этом ему также помогают многочисленные эпитеты. Составитель иконописного подлинника преследует практическую задачу – создать икону святого, но вместе с тем ему важно дать индивидуализированные черты святого и изобразить его в соответствии с его чином святости.

Ключевые слова: литературоведение, агиография, иконописный подлинник, рукопись, словесные портреты святых.

Портреты святых можно встретить не только на иконах и фресках, но и в литературе, особенно, житийной. Не случайно жанр жития называют иногда «словесной иконой», поскольку слово и образ так же неразрывно связаны между собой, как литература и живопись.

Как заметил известный искусствовед Н. Н. Третьяков, «русская живопись всегда была искусством изображения слова, и можно сказать, – искусством изображенного слова... Связь слова и изображения... была очень непосредственной и осязаемой... Древнерусский мастер исходил из того, что слово при переводе в изображение получает новые качества: обогащается красками, обретает полноту плоти. Зримый образ открывает то, что заложено в глубинах слова» [Третьяков, 2001. С. 18].

В литературоведении под «портретом» подразумевается описание наружности персонажа: «телесных, природных и, в частности, возрастных свойств (черты лица и фигуры, цвет волос), а также всего того в облике человека, что сформировано социальной средой, культурной традицией, индивидуальной инициативой... Портрет... создает устойчивый стабильный комплекс черт «внешнего человека» [Хализев, 2000. С. 181]. В литературных портретах авторы обращают больше внимание на то, «что выражают фигуры или лица, какое впечатление они оставляют, какие чувства и мысли

вызывают, нежели на них самих как на живописуемой данности» [Там же. С. 182].

Но у писателя, агиографа и иконописца разные задачи. Если писатель или агиограф рисует словесно то, что читатель не видит, а представляет в своем воображении, то художник незримое делает видимым, причем иконописец, как и агиограф, в отличие от писателя, не своевольно воплощает это слово, а следует установленным Церковью канонам. Так, седьмой Вселенский Собор, состоявшийся 787 году в Никее, утвердил догмат иконопочитания и определил место и роль священных изображений в литургической практике Церкви. Житийный жанр тоже подчиняется своим канонам. О святом обычно говорится, что он кроток, благочестив, трудолюбив, непреклонен в умерщвлении плоти, исполнен милосердия и пр. В художественной литературе подобных канонических рамок нет.

Например, в художественной литературе словесный портрет преподобного Сергия Радонежского разные писатели рисуют по-разному. Вот каким предстает этот святой в рассказе И. С. Шмелева «Куликово поле»: «По виду, из духовных: в сермяжной ряске, лыковый кузовок у локтя, прикрыт дерюжкой, шлычок суконный, седая бородка, окладиком, ликом суховат, росту хорошего, не согбен, походка легкая, посошком меряет привычно, смотрит с приятностью. Возликовало сердце, “будто самого родного

встретил"... "Такой лик, священный... как на иконе пишется, в себе сокрытый". Может быть, что и таил в себе, чувствовалось мне так: удивительно сдержанный, редкой скромности, тонкой задушевной обходительности, – такие встречаются в народе» [Шмелев, 2007. С. 79]. Б. Зайцев в повести «Преподобный Сергей Радонежский» описывает этого святого по-другому в соответствии со своей авторской манерой: «Если б его увидеть... – писал о святом Борис Зайцев. – Думается, он ничем бы сразу не поразил. Негромкий голос, тихие движения, лицо покойное, святого плотника великорусского. Такой он даже на иконе – через всю ее условность – образ невидного и обаятельного в задушевности своей пейзажа русского, русской души. В нем наши ржи и васильки, березы и зеркальность вод, ласточки и кресты и не сравнимое ни с чем благоухание России. Все – возведенное к предельной легкости, чистоте» [Зайцев, 1990. С. 492]. Словесные портреты, данные прп. Сергию Шмелевым и Зайцевым, позволяют нам представить облик этого святого.

В житии же его портрет не дан; из него известно только, что «не любил он мягких и красивых одежд, но постоянно носил одеяние из грубой ткани, собственноручно им самим сшитое» [Жития: Сентябрь, 2005. С. 532]. Многие даже не признавали в нем известного игумена: «Поселянин некий... слышав многая о святом Сергии, восхоте видети его, и пришед во обитель преподобнаго, вопрошаше о нем где есть; случися же тогда преподобному в вертограде копати землю, и поведано бысть о сем человеку тому: шед же поселянин в вертоград, виде святаго в худей одежде, раздранней и многошвенней, землю копающа и мняше, яко поругашася ему поведавший» [Жития: Сентябрь – ноябрь, 2007. С. 215]. Портрет святого в житии не дан, но мы можем представить себе из данного текста, что святой являл собой образец смирения и нестяжательности. Перед нами – обобщенный образ, для которого не важны внешние данные.

Портреты святых можно встретить и в поэтических произведениях. Так, С. С. Бехтеев в стихотворении 1933 г. «Угодник» рисует словесно преподобного Серафима Саровского:

Старец Божий, старец кроткий,
В лаптях, с палкою простой,

На руке иссохшей четки,
Взор, горящий добротой.
Сколько дивного смиренья
В страсотерпческих чертах,
Дивный дар богомолья
Лег улыбкой на устах...

[Бехтеев, 2002. С. 43–44]

Как видим, в художественной литературе при описании святого на первый план выступает субъективная эмоциональность автора, которая передается с помощью художественных средств, прежде всего, эпитета – *походка легкая, негромкий голос, тихие движения, лицо покойное, дивное смирение*, и метафоры – *взор, горящий добротой, дар богомолья лег улыбкой на устах* и др. Кстати, нельзя не заметить в стихотворении Бехтеева сходства предложенного изображения с иконой преподобного Серафима.

В житии прп. Серафима, как и в житии прп. Сергия, не приводится описания лика святого, но неоднократно говорится об одеянии: «Одежду преподобный Серафим носил всегда одну и ту же, простую, даже убогую: на голове поношенную камилавку, на плечах полукафтанье как бы в виде балахона из белого полотна, на руках кожаные рукавицы, на ногах кожаные чулки и лапти; на балахоне его висел неизменно тот самый крест, которым благословила его некогда мать...» [Жития: Январь, 2005. С. 69]. И далее: «Умилительно было видеть этого смиренного, согбенного старца, подпиравшегося мотыкою или топором, в пустыне, за рубкою дров или за возделыванием гряд, в убогой камилавке без крепа, в холщевом белом балахоне с сумою на плечах, где лежало Евангелие и груз из камней и песка для умерщвления своей плоти» [Там же. С. 89]. Простота, кротость, нестяжание, целомудрие, послушание – все это отражается в образах и преподобного Серафима, и преподобного Сергия, т. е. нравственная характеристика проявляется в их внешнем облике.

В житиях портрет святого является одним из средств создания его образа. Как уже было замечено, не в каждом житии приводится описание внешности святого, так как в агиографической литературе образ святого создается, прежде всего, путем его жизнеописания. Когда в житии приводится портрет подвижника, то он может быть как обобщающим, типичным, так и индивидуализированным. Например, св. благоверный

князь Феодор Ярославский «бе же возрастом велик зело, красота же лица его бе видети яко Иосифа Прекраснаго, бяше же попремногу милостив» [Жития, 2002. С. 15–16]; прп. Евфросиния Полоцкая «бяше бо лепа лицом, красота же ея многыя славныя князи, любовь приведе к отцу ея» [Там же. С. 154]; прмц. Евдокия «презельною своею красотою прельщающи многыя, аки сетию улови... Толика же бяше лица ея лепота, яко ни иконописцу мощно бе тоя подобие изобразити» [Жития, 2007. С. 35]; прп. Анин чудотворец «...мал телом яко древний Закхей, но велик бысть сосуд Святаго Духа, от юности кроток и молчалив нравом бяше... Ангельский на ся прия образ» [Там же. С. 213]; прмч. Никон Сицилийский «бе муж, именем Никон, в воинстем чине красен добротою, лицом светел, и храбр в бранех» [Там же. С. 242]; св. мученица Фервуда «бе... юна леты, и лицом красна без меры» [Там же. С. 397]; св. мч. Агафопод «бе... леты стар, целомудрием и сединами украшен» [Там же. С. 400]; св. мч. Феодул «бе...млад и красен лицом, юношеских лет сый» [Там же].

Во всех вышеприведенных примерах даны типизированные портреты: «лепа лицом», «лицом светел», «красен лицеем», «в воинстем чине красен», «юна леты», «юношеских лет сый», «возрастом велик зело», «леты стар», «телом крепок и мужествен», «целомудрием украшен» и пр.

Примеры индивидуализированного портрета также можно встретить в житийной литературе. Преподобный Алексей человек Божий описан так: «Лице свое преклонено имеяше, ум же его бе горе в богомышлении упражняйся, и толико иссушился плоть его от многоаго воздержания, яко увяде красота лица его, зрение помрачися, очи воглубишася, и токмо кожа его и кости зряхуся» [Там же. С. 205]; а прп. Василий Новый «по пустыни ходяща, худыми одеяна рубы, образом странна и страшна, яко в пустыни воспитана» [Там же. С. 280]. Преподобная Мария Египетская была «нага телом, и черна от солнечнаго опаления, власы имуща на главе белы аки волну, и кратки яко точию до выи досязающыя» [Там же. С. 364]; а прп. Феодор Трихин «истни плоть свою, яко лицом мертвому бе подобен... главу никогдаже имея покровенну, едину токмо носяше одежду остру власяну, и того ради власяный наречен бысть» [Там же. С. 514].

Как видим, часто индивидуализация образа возможна за счет описания одеяния святого или описания волос (см. вышеприведенные примеры из житий преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского).

Словесный портрет святого можно встретить не только в художественной и агиографической литературе, но и в иконописном подлиннике. Вот, например, как там описаны святые:

«1 мая. Святаго пророка Еремея. Сед, брада Иоанна Богослова, власы со ушей, риза вохра с белилы, испод лазор, в свитце глаголет: Господи силам суд праведно»¹;

«24 мая. Преподобнаго отца нашего Симеона Столпника таковеж, якоже в начале сентября, столпы багор с белилы, другая половина киноварь с белилы. Тои же день преподобнаго отца нашего Никиты Переславского чюдотворца над сед брада доле Симеоновы, около главы власкы легонькы, столп празелень, другая половина празелень с вохрою бела»²;

«31 мая. Святаго мч. Ермия, рус акы Флор, риз киноварь, испод празелень, препоясан ширинкою, в правой руке крест, а в левой меч в ножнах»³.

В иконописном подлиннике портрет святого создается путем подробного описания его внешности, одеяния, положения рук. Автору важно подчеркнуть индивидуальные черты каждого святого, хотя типизация присутствует и здесь, но она соответствует чину святости. Так, святые мученики изображаются на иконах с крестом в руках, при написании одеяния активно используется красный цвет, как символ пролитой крови за Христа. Святые преподобные изображаются в монашеском облачении; правая рука – в благословляющем перстосложении; в левой руке может быть развернутый или свернутый свиток. Характерная деталь иконографии преподобных – четки – символ монашеского молитвенного подвига. Стоящими на столбах изображаются святые преподобные столпники, избравшие для себя этот вид духовной аскезы. Святые блаженные на иконах предстают в том виде, в каком они совершали подвиг, – обнаженными

¹ Иконописный подлинник XVIII в. из собр. РГБ. Ф. 209. № 409. Л. 88.

² Там же. Л. 95.

³ Там же. Л. 97.

или с повязкой на чреслах, в ветхих одеждах, с веригами на плечах. Интересна в этом смысле иконография св. блаж. Матроны Московской. Известно, что святая была слепорожденной, и на иконах она может быть изображена как слепой, в соответствии с реальным обликом в жизни, и зрячей - с отверстыми глазами, т. е. в соответствии с тем обликом, в котором она предстает пред Престолом Божиим. Открытые глаза символизируют в данном случае очи духовные.

Итак, мы видим различия в описаниях внешности святых в художественной литературе, иконографии, иконописных подлинниках.

При описании святого в художественной литературе автор выражает свои эмоции, ставит нравственно-психологические проблемы, воздействуя на эстетические чувства читателя с помощью художественных средств. В художественной литературе портрет часто индивидуализируется, хотя тоже имеет много общего с житийным портретом. В житии образ святого создается путем его жизнеописания, и поэтому там предстает нравственно-психологический портрет. Портрет святого предстает в житии общим, типизированным: *красивый, мужественный, высокого роста (маленького)* и др. В агиографической литературе автор, кроме повествования, задается назидательной целью, воздействием на душу читателя; в этом ему также помогают многочисленные эпитеты. Составитель иконописного подлинника ставит перед собой прежде всего практическую цель – создать икону святого, донести до иконописца элементы технической стороны (какими изобразить лик святого, его позу, какими красками воспользоваться для написания одежды и т. д.), но вместе с тем ему важно дать индивидуализированные черты святого

и изобразить его в соответствии с его чином святости. Задача самая сложная – соединить телесное и духовное, земное и небесное.

Список литературы

Бехтеев С. С. Стихотворения. СПб., 2002. 442 с.

Жития Святых в древнерусской письменности / Отв. ред. М. С. Крутова: М., 2002. Вып. 1: Тексты, исследования, материалы. 220 с.

Жития святых на русском языке изложенные по руководству Четых-миней святителя Димитрия Ростовского: Месяц сентябрь. М., 2005. 678 с.

Жития святых на русском языке изложенные по руководству Четых-миней святителя Димитрия Ростовского: Месяц сентябрь. М., 2005. 678 с.

Жития святых [Димитрия Ростовского]: Сентябрь - ноябрь. М., 2007. 867 с.

Жития святых на русском языке изложенные по руководству Четых-миней святителя Димитрия Ростовского: Месяц январь. М., 2005. 935 с.

Жития святых [Димитрия Ростовского]: Март - май. М.: Сибирская благовонница, 2007. 982 с.

Зайцев Б. Осенний свет: Повести и рассказы. М., 1990.

Третьяков Н. Н. Образ в искусстве: основы композиции. Оптина пустынь, 2001. 261 с.

Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2000. 398 с.

Шмелев И. С. Душа родины: Рассказы и воспоминания. М., 2007. 558 с.

Материал поступил в редколлегию 25.11.2008

N. N. Vorontsova

VERBAL PORTRAITS OF SAINTS IN FICTION, HAGIOGRAPHY AND GUIDELINES FOR ICON PAINTERS

Portraits of saints are both icons and frescoes, and art and hagiography literature. But the writer, hagiography and icon painter set a different goal. In describing the saint in fiction author expresses his emotions, affects the aesthetic sense of the reader through artistic means. In hagiography literature image of the saint created by his biography, the author, except for the narration, sets the didactic purpose, in so doing, it also helps many epithets. Compiled guide for icon painters set itself above all practical purpose - to create an icon of the saint, but it is important to provide personalized features sacred and portray it in accordance with his rank of holiness.

Keywords: the literary criticism, the hagiography, the manuscript original of icon, the manuscript, the verbal portraits of saint.